

*Посвящается Тиму и Люку,
а также матери, которая, бывало, говорила:
«Книгу и последний дурак способен написать»*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Григорий Агафонов. Жестокая ломка ценностей</i>	9
ПРОЛОГ	15
Уроки расследования	16
ЧАСТЬ 1	25
Мать	27
Детство Эндрю	30
Епископская школа	45
Пит	60
Беркли	62
«Каприччо»	69
Хиллкрест	76
Джефф	82
Кристалл	90
На содержании	101
Дэвид	123
Полный облом	140
Моветон	146
Распад имиджа	150
Срыв с катушек	153
Прощания	159
ЧАСТЬ 2	169
Убийство	171
Подозреваемый	191

Чисаго	201
Миглин	209
Минное поле	219
Роковая ошибка	236
Пересуды	244
Риз	247
Под спудом	257
Конфликт интересов.....	260
ЧАСТЬ 3	265
Прибежище.....	267
На дне	290
Гей, не гей — какая разница?	300
Страшная тайна.....	313
Самый разыскиваемый	325
Средь бела дня	329
Жуткая ОПА.....	341
Семья.....	349
Накладки в Майами.....	354
Деньги давай!.....	362
Радуга.....	365
Не раскусишь — не предъявишь	371
Смертельный аттракцион под занавес.....	382
ЧАСТЬ 4	397
Умер и умер?.....	399
Послезвучие	400
Об авторе.....	413

Жестокая ломка ценностей

Жанр этой книги не столь очевиден, как может показаться. Она — не только документальное расследование обстоятельств убийства сверхмодного итальянского дизайнера Джанни Версаче. Просто вынесенная на обложку произведения и сделавшая его бестселлером тема счастливым для автора и роковым для жертвы образом совпала с завершающей стадией журналистского расследования цепи на первый взгляд бессвязных и бессмысленных убийств, совершенных наркозависимым психопатом-гомосексуалом по имени Эндрю Кьюненен весной и летом 1997 года.

Морин Орт — не специалист по криминальным расследованиям. Она — эссеист и автор материалов для журналов *Vogue* и *Vanity Fair*. И тем точнее и страшнее поставленный ею первичный диагноз: сын мичмана — ветерана Вьетнамской войны филиппинских кровей и взятой им в жены набожной официантки-итальянки из припортового ресторана Сан-Диего всего-навсего с педантичной последовательностью проводил в жизнь навязчивую идею осуществления американской мечты доступными ему средствами. А перечень средств и порядок их употребления Эндрю еще мальчиком усвоил из тех же глянцевого журналов: (1) набить себе цену; (2) продаться подороже; (3) купить любовь и славу. В реальной жизни этот незатейливый рецепт,

как выяснилось, требовал постоянного напряжения всех внутренних сил, чтобы казаться ярче и умнее, богаче и красивее, чем ты есть на самом деле. До поры до времени на раскручивание беличьего колеса самопиара антигерою хватало собственной внутренней энергии, а затем естественным образом началась подпитка наркотиками, благо в Сан-Франциско, где Кьюненен, бросив университет, приживал у семейной пары друзей на правах гувернера, употребление всяческого допинга — неотъемлемая часть молодежной субкультуры (как, впрочем и в его родном Сан-Диего), — и колесо пошло вразнос, сметая всё на своем пути.

Вульгарный материализм, помноженный на нарциссизм и отлакированный ощущениями вседозволенности, безнаказанности и острой потребностью во внимании, плюс разбухшие сильнодействующими психостимулирующими веществами садистские наклонности поэтапно превратили талантливого экзальтированного выпускника элитной частной школы, некогда мечтавшего о «доме у моря, семье, детях и собаке», сначала в расчетливую содержанку мужеского пола, затем в пронырливого наркоторговца. А в конечном счете — и вовсе в маниакального убийцу. Постепенно до помутненного сознания Эндрю Кьюненена начало доходить, что для обретения славы ему не хватает ни связей, ни талантов, а любовь каким-то непостижимым для него образом не покупается: два бывших любовника сбежали от него на другой конец страны. И тогда он обзавелся пистолетом, отправился в Миннеаполис, где свел счеты с обоими, а оттуда — на юг, к теплему морю Южной Флориды, попутно продолжив

кровавое шоу садистской расправой над строительным магнатом в Чикаго (предположительно, бывшим клиентом) и убийством ради автомобиля ни в чем не повинного кладбищенского сторожа в окрестностях Вашингтона.

И вот тут, в курортном Майами-Бич, будучи в федеральном розыске, Эндрю Кьюненен, открыто оставившись в гостинце и зарабатывая на её оплату мелкорозничной торговлей наркотиками, два месяца дожидался — и дождался-таки — своего звездного часа, эффектно застрелив на пороге собственной виллы не кого-то, а самого Версаче. Так и вошел в историю. Терять убийце было уже нечего: челюсти федерального розыска смыкались — но свою миссию он исполнил — и выстрелом себе в рот сравнялся в посмертной славе с кутюрье, которого считал ничуть не талантливее себя. Тема нового Герострата, отработавшего по «живой мишени», на этом себя исчерпывает.

А вот другая важная тема, поднятая в книге, продолжает тревожить, а именно — тема наглядно явленного, даже какого-то издевательски легкого превосходства горизонтально-сетевых неформальных структур — сообществ ЛГБТ, изготовителей и распространителей наркотиков и порнографии, тайных орденов выпускников элитных колледжей и просто клубов по странным интересам разного социокультурного уровня — над неповоротливыми иерархическими структурами, будь то полиция, вооруженные силы или церковь. И всё это — на фоне, казалось бы, полнейшего, самого что ни на есть безмятежного общественного порядка и спокойствия.

Красочно представленные в сюжетных линиях всевозможных оттенков и степеней злонамеренности антисоциальные и преступные элементы как вода сквозь сито струятся между заграждений, тщетно выставляемых государственными и общественными институтами, и ярким бисером рассыпаются по миру, не признавая ни межштатных, ни межгосударственных границ. Именно среди них и скрывался, ни от кого не таясь, а оставаясь неразличимым лицом в толпе, «неуловимый» Кьюненен, всякий раз безошибочно распознавая в любой толпе родственные души и автоматически попадая под защиту местного сообщества тех, кто «своих» не выдает.

Сколько еще *кьюнененов* натворили бы кровавых дел, не подоспей на помощь органам правопорядка и обществу в целом социальные сети, переведшие их активность в виртуальную плоскость?..

Григорий Агафонов, переводчик

Смотри, какие пошлости милы столичным толпам —
да настолько, что приводят их в восторг полнейший...
Как беспардонно непристойны и похабны их грубые
плебейские забавы... Их похотливые делишки ты
брезгливо презираешь, однако вынужден терпеть.

Из оперы Рихарда Штрауса «Каприччо»

ПРОЛОГ

Телефон зазвонил в час ночи, трубку снял сонный муж.

— Хочу поговорить с Морин Орт. Морин Орт, писательницей. — Мужской голос звучал настойчиво.

— Кто это?

— Хочу обсудить статью. — Пауза — и конец связи.

— Похоже, он, — сообщил муж.

— Кто «он»?

— Да тот тип, о котором ты пишешь.

— Что? Неужто Эндрю Кьюненен?

— Чтоб ему... — проворчал муж, переворачиваясь на другой бок и опять проваливаясь в сон. Я же уже не могла заснуть.

Дней через десять, спустя считанные часы после убийства Джанни Версаче, прославленного модного дизайнера и открытого гея, во втором часу ночи опять раздался телефонный звонок. Утром я как раз собиралась лететь в Майами, чтобы с места событий передать репортаж об убийстве Версаче, раз уж главный подозреваемый в нем — Эндрю Кьюненен. К тому времени я уже два месяца собирала материалы о Кьюненене для журнала *Vanity Fair* — его любимого издания, кстати. Кроме того, я успела выяснить, что с Версаче Кьюненен был знаком далеко не один год, и еще — что он подозревается в четырех других убийствах, в том числе собственного друга, его единственной, по его утверждению, любви.

— Алло, Морин Орт там? — Муж сразу узнал этого гомика по голосу.

— Зачем она вам? — Но на том конце провода тут же спохватились, и междугородняя связь разом оборвалась. Так я никогда и не узнаю, не упустила ли я тогда самую сенсационную «бомбу» в своей жизни.

Уроки расследования

Как бы то ни было, появление на страницах *Vanity Fair* стало бы для Эндрю Кьюненена исполнением заветной мечты. К тому времени, то есть к началу июля 1997 года, он уже был близок к тому, чтобы стать объектом одной из крупнейших в истории ФБР спецопераций по поимке особо опасных преступников. Тысячи оперативников будут высматривать его повсюду, но никто так и не установит его местонахождения... пока он был жив.

Тело Эндрю Кьюненена было обнаружено лишь на девятый день после его смерти на борту плавучего дома, которому суждено будет превратиться в постыдную достопримечательность Майами-Бич. Шлейф последствий его преступлений и трагического кровавого вояжа по просторам Америки растянется на долгие месяцы. И то, что поначалу обманчиво преподносилось в СМИ как «ссора голубых любовников», не затрагивающая, по сути, никого за пределами замкнутого и обособленного «гомосексуального мира», разрослось, по мере выяснения всей степени омерзительности и наглости совершенных Кьюнененом убийств, до масштабов истории, камнем из пращи вынесшей его образ на первые полосы центральных газет, в анонсы главных

событий итоговых выпусков теленовостей, на обложки солидных журналов, включая *Time* и *Newsweek*. Но еще до убийства Джанни Версаче и обретения всемирной известности Эндрю Кьюненен успел пересечь пространство параллельного мира, в котором обретается гей-сообщество современной Америки, — выбраться из прокаженного и смердящего наркотиками подбрюшья полусвета и войти в культурный и привилегированный мир богатых людей, искусно скрывающих свою гомосексуальность.

Эндрю повсюду приходился ко двору. С равной непринужденностью мог поддерживать светские беседы об изящных искусствах и архитектуре, слыл ходячей энциклопедией брендов и статусов. В роли мальчика на содержании был замечен и в пятизвездочном отеле *Gritti Palace* в Венеции, и на фешенебельной вилле на Кап-Ферра. Затем у него случилась любовь с молодым трудоголиком-архитектором, и — предположительно из-за отказа богатого партнера оплатить ему покупку вожделенной модели «мерседеса» — Эндрю, хлопнув дверью, покинул взлелеянный мир своей извечной мечты.

Сколько бы и что бы Эндрю Кьюненен ни получал, ему было мало и хотелось еще: всё больше наркотиков, всё более извращенного секса, всё более дорогих вин... И как-то так постепенно он пришел к убеждению, что все *они* ему по жизни обязаны. А разве не так? Ведь он всегда и везде был душой компании, самым смышленным парнем. К двадцати семи годам он успел превратиться не просто в кошмарного самовлюбленного нарцисса, всецело поглощенного собой, но еще